

25 окт 1989

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А.ДОНИША

ЭТНОГРАФИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Ответственный редактор –
канд. истор. наук А.С.ДАВЫДОВ

ДУШАНБЕ
"ДОНИШ"
1989

следию, опубликованному и неопубликованному в печати, но еще долго будет сказываться в деятельности его учеников — сотрудников музеев и аспирантов-исследователей, умеющих собирать, хранить, изучать и извлекать из музейных материалов на благо отечественной науки богатую информацию.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 Гафферберг Э.Г. и Кисляков Н.А. И.И.Зарубин — этнограф и музейный работник: Иранский сборник. — М.; Л., 1948. — С. 17-21.
- 2 Фонды Музея антропологии и этнографии, коллекция № 5827.
- 3 Фонды Музея антропологии и этнографии, коллекции №№ 4778, 4983, 5372, 6200, 6602 и др.
- 4 Фонды музея антропологии и этнографии, коллекция № 4778.
- 5 Фонды Музея антропологии и этнографии, коллекции №№ 4983, 4441, 5424, 5144, 5582.
- 6 Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XXV1. — Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. — Л., 1970 и др.
- 7 Кисляков Н.А. Музей антропологии и этнографии АН СССР. Советская этнография, 1949, № 2. Он же. Музей антропологии и этнографии АН СССР. — Советская этнография, 1950, № 2 и др.
- 8 Кондауров Н.А. Реэкспозиция отдела Передней и Средней Азии в Музее антропологии и этнографии. — Советская этнография, 1934, №4.
- 9 Абрамзон С.М. Средняя Азия в ленинградских этнографических музеях. — Советская этнография, 1935, № 6.
- 10 Краткий путеводитель по экспозиции "Ближний и Средний Восток". Под редакцией Н.А.Кислякова. — М., Л., 1964; Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого: Краткий справочник-путеводитель. — Л., 1967. — С. 14-19.
- 11 См. также: Основные труды Н.А.Кислякова: — Советская этнография, 1974, № 3.

А.К.ПИСАРЧИК

ИВА В НОВОГОДНИХ И ДРУГИХ ВЕСЕННИХ ОБРЯДАХ ТАДЖИКОВ

Роль ивы в новогодних обрядах таджиков¹ определялась широко распространенным в древности ее почитанием, культом, пережитки которого еще сравнительно недавно бытовали среди коренного оседлого населения Средней Азии.² Необходимо оговориться, что почитаются и употребляются для изготовления новогодних ритуальных предметов не все виды ивы, а только некоторые из них. В Шугиане это вид, называемый

"вед" (тадж. сифхбед — черная ива), вид же, называвшийся "вап" (с долгим а), (тадж. зардбед — желтая ива) для обрядовых целей не употреблялся, из его лозы плели корзины.

Самые ранние сведения об иве как о ритуальном предмете, фигурирующем в новогоднем обряде иранцев, сообщает автор второй половины 1X в. Муса-ибн-Иса ал-Кисрави в своем описании празднования Нового года — Навруза в домусульманском, сасанидском Иране, в частности в его северо-восточной части, Хорасане.³ Он пишет, что "на серебряном новогоднем столе (поставленном перед царем во время годового приема. — А.П.)... посередине его клали семь ветвей деревьев, по которым и по именам которых предсказывали и вид которых считали хорошим знаком, как то: ива, маслина, айва, граната, срезанные в один, два и три сустава..."⁴. Упоминание в этом тексте на первом месте ивы говорит об ее особом почитании.

Возможно, что в средневековых письменных источниках при специальных поисках выявятся дополнительные сведения по этому вопросу. Что же касается недавнего прошлого, то этнографическим методом, путем расспросов населения, от представителей старшего поколения удалось собрать довольно обильные интересные новые данные о роли ивы в новогодних и других весенних обрядах среди оседлых народов Средней Азии.

Первые известные мне этнографические записи об обрядовых предметах из ивы, изготавливаемых на Новый год, были сделаны М.С.Андреевым в 1943 г. в Хороге со слов пожилого шугнинца, уроженца долины Шахдары.⁵ Эти записи при жизни М.С.Андреева не были опубликованы. Только в 1980 г. часть их, касающаяся ритуальных предметов из ивы, связанных с празднованием Нового года, с дополнительными данными, собранными мной позднее, была опубликована.⁶ Ввиду того, что предлагаемая вниманию читателя статья посвящена специально новогодним культовым предметам из ивы, представляется целесообразным для ясного восприятия комплекса накопившихся сведений привести и часть из этих опубликованных данных.

М.С.Андреевым было установлено наличие двух вариантов новогодних культовых предметов в Шугнине, указаны ареалы их бытования и зафиксировано их название в долине р.Шахдары (впадающей в Гунт немного выше Хорога) в Шугнине — "кажак"⁷ (завиток). Для изготовления первого варианта кажака, ареал которого — долина Шахдары, брали довольно толстую палку длиной около метра или немного больше. Держали ее вертикально, с нее, начиная сверху, острым ножом срезали тонкими длинными ленточками кору (и находящуюся под ней пропитанную весенними соками и легко отделяющуюся древесину. — А.П.), спуская срезанные ленточки вниз. При этом нижняя часть палки на пространстве 20—25 см оставалась нетронутой. Эта часть палки служила потом ручкой. Оголенную часть ствола палки отрезали и выбрасывали. Затем брали изготовленный таким образом "кажак" за ручку, а срезанные многочисленные ленточки, более или менее завивающиеся, опускали вниз, так что они образовывали пышную кисть (рис. 1а и 2). В таком виде хозяин дома вносил "кажак" в убранный к Новому году дом и, произнеся традиционное новогоднее поздравление "Шогун бахр муборак! — Да будет благословенна благодать (радость) весны!", на что следовал тоже традиционный ответ "Ба руи шумо муборак! — И для вас да будет благословенно!", прикреплял "кажак" ручной к передней матице потолка так, чтобы кисть из ленточек спускалась вдоль одного из столбов.

Второй вариант, бытование которого М.С. Андреев зафиксировал в долине р. Гунт и в припанджском Шугнани, в к. Поршневе и ниже, изготавлялся иначе: длинная палка расчленялась на несколько колен, и коры отдирались от ствола отдельно в пределах каждого колена так, что пучки бахромы находились соответственно у конца каждого членения (рис. 1, б). По записи М.С. Андреева, в Шугнани такую ветвь вносили в дом, положив себе на плечо, приблизительно как носят ружье (наши шугнанские, в том числе и шахдаринские информаторы такого способа ношения кажака на плече не помнили. — А.П.). В Шахдаре и других местах Шугнана описываемые предметы из ивы вносили в дом только мужчины и мальчики (последние передавали свои палки взрослым для прикрепления к потолку). 8

Позднее сбор материала по пережиткам культа ивы был продолжен мной в 1964 г. в составе припамирского этнографического отряда, работавшего в Шугнани (Припанджские селения Поршневе, Дарморахте, долины р. Гунт от Хорога до с. Ванкала), Вахане, Ишкашме и Горане. 9

В 1965 г. этнограф И. Мухиддинов, собиравший по моей просьбе материалы по народному жилищу припамирцев, за что я ему выражаю искреннюю признательность, обнаружил в Шугнани в кишлаке Хидорджеве (в долине Шахдары) прекрасный образец кажака первого варианта, описанного М.С. Андреевым, прикрепленный к матице около главного столба, который ему удалось сфотографировать (рис. 2). Хозяин дома Козибек Давудов передал через И. Мухиддинова этот редкий предмет в дар Институту истории АН Тадж.ССР. 10

По записям 1965 г. Л. Бахтоваршоевой, самые искусные шахдаринские изготовители кажаков были в к. Хидорджеве. Им удавалось сделать кажак, бахрому, которого равнялась по длине почти всему столбу и доходила до его основания. В верхнем шахдаринском кишлаке Синдеве таких пышных кажаков делать не умели, в долине р. Гунт — тоже.

В к. Вирун (правобережье нижнего течения р. Гунт) в 1964 г. колхозник Искандар Алибахтшоев изготовил для экспедиции местный традиционный новогодний предмет немного иначе. Взяв отрезок толстой ветви ивы длиной около 50 см, он стал срезать с нее острым ножом до половины ее длины сильно завивающиеся довольно толстые стружки, образующие в верхней части подобие большого шара из завитков (рис. 1 в). Нижняя половина осталась нетронутой, образуя ручку. В Вируне этот предмет называют "махак" (от шугнанского слова мах — бобы). Применение в Шугнани к шахдаринскому варианту кажака названия махак зарегистрировано нами также в других кишлаках Шугнана, как в долине р. Гунта, включая Хорог, так и в припанджских селениях группы Дарморахт и ниже вплоть до долины Баджува. В к. Вир — одном из верхних гунтских кишлаков, по рассказам, новогодний предмет из ивы, вносимый в дом, имел форму второго варианта, описанного М.С. Андреевым. В к. Пиш (Дарморахт, 3. Юсуфбекова) бытовал только этот второй вариант, который, как и в Шахдаре и долине Гунта, прикреплялся к балке потолка.

В 1965 г. Л. Бахтоваршоевой в к. Поршневе, ниже впадения р. Гунт в Пандж, были выявлены воспоминания о бытовании в старину новогодних махаков (о форме их детальных сведений не имеется), вносимых в дом хозяином, а также прутьев "шогун бахор муборак", с завитками со стороны глянцевой коры, из более тонких веток ивы, вносимых прочими входящими. Очевидно, это были небольшие ветки, оформленные как второй вариант кажака М.С. Андреева.

Самое нижнее место в Шугнанах, в котором удалось зарегистрировать бытование в прошлом описываемых ритуальных предметов из ивы, была долина Баджу. Однако здесь, по-видимому, этот обычай начал исчезать раньше, чем в расположенных выше по Пянджу местах Шугнана, где все шугнанцы его еще хорошо помнили в годы нашего сбора материалов. В Баджуе же на первые вопросы Л.Бахтоваршоевой об этом она получила от всех опрошенных решительный отрицательный ответ: "О ма-хаке ничего не знаем". И только когда она встретила там старика Курбонбека Махмадалибекова, около 1890 года рождения (в 1965 г. он определял свой возраст в 78 лет), он сказал: "Я помню, что в старые времена, во время праздника (первой запашки и Нового года. — А.П.) изготавливали из ивы маленький макет плуга и им окружали по крыше светодымовое отверстие, имитируя пахоту. После этого брали ивовую толщиной с толстую шерстяную веревку (2 — 2,5 см) и острым ножом обстригивали ее с одного конца, причем стружки завивались, а необстриганный конец оставлялся как ручка. Затем образовывали шар величиной примерно с "голову человека". Взяв этот предмет, его вносили в дом и прикрепляли к потолку. Что потом с ним делали, я не знаю".

Приведенное описание изготовления этого предмета в Баджуе полностью совпадает с наблюдаемым нами изготовлением "махака" в к. Вирун в низовьях Гунта.

Насколько известно, первые краткие сообщения о новогодних предметах из ветвей деревьев (без определения, что они изготавливались из ивы) опубликованы А.З.Розенфельд. Она пишет: "В течение всего дня (Нового года. — А.П.) мужчины ходили в гости друг к другу. Предварительно заготавливались свежие прутья — "гымча" ("химча" — бадахшанское диалектное произношение таджикского слова "химча". — А.П.). Зеленой кору подстригивали в виде бахромы, которая завивалась колечками. Каждый гость вносил гымчу с собой в дом (некоторые из них оставляли за дверью). Путь втыкали под потолком за балки, где они оставались до следующей весны. Кроме украшенных прутьев, мужчины вносили пучки ветвей шиповника..., а также жерди и бревна, которые через несколько дней употреблялись для хозяйственных нужд (из них делали топорища и т.п.)". Приводимые А.З.Розенфельд сведения относятся к горанским кишлакам Пордж, Гармчашма, Кухилал, Козиде, Яшвол, ишканимскому Нюд и ваханским таджикоязычным Ямг и Нижгар.¹¹

Обычай вносить на Новый год в дом специально оформленные палки из ивы нами зафиксирован в Вахане (кк. Лангар, Ширгин, Вранг, Внукут), Ишкашима (р.Рын) и Горане (кк. Андароб и Гармчашма). По сообщению Г.Наврузова (1984 г.), он бытовал и в таджикоязычном ишканимском к. Авдж.

В Вахане для нас были изготовлены подростками образцы новогодних палок, называемые там "шогынбанд", "шогыншинг" и просто "шогын",¹² а в к. Авдж — "калкалок". Форма их похожа на второй вариант, описанный М.С.Андреевым (рис. 1 б). Отличие изготовленных для нас палок состояло в том, что на них полоски коры не свешивались завитками в конце каждого членения, как во втором варианте М.С.Андреева, а отделенные от ствола, образовывали раструбы.¹³ Возможно, отличие это определяется тем, что для нас палки были изготовлены летом, когда кора уже не была такой мягкой и сочной, как ранней весной.

Зафиксировано несколько вариантов размещения раструбов и сочетания их на палках; либо кора отделялась на членениях так, что все раструбы были обращены в одну сторону (рис. 1 г), либо от каждой нетронутой полоски коры отходило в противоположные стороны по два раструба и расширенные стороны их сходились с такими же раструбами соседней пары (рис. 1 д), либо раструбы отделялись полосками очищенного ствола или полосками коры с вырезанным на них орнаментом (рис. 1 е). Для детей делались и совсем маленькие "шогунбанды" длиной всего 10-12 см, состоящие всего из одного членения. Два таких "шогунбанды" были обнаружены нами в к.Ширгин заткнутыми когда-то за балки потолка одного из подсобных жилых помещений летней резиденции тамошнего ишана Саид Абдурахмана (рис. 1 ж, з).

В отличие от Шугнана в Вахане, в убранный перед Новым годом дом ветки "шогунбанд" вносили не только мужчины, но и женщины. Стоящая на краю нар с очагом хозяйка приветствовала входящих, бросая на правое плечо каждого шепотку муки. Женщины затыкали принесенные "шогуны" (или просто ветки ивы с почками) за балки потолка над "женскими" нарами, в которых находился очаг, а мужчины — над нижними нарами ("пасраж") у входа в пога. В самом верхнем ваханском к. Лянгар мы видели специальные небольшие помосты из жердей, прикрепленные под потолком, над нарами с очагом, для веток, приносимых женщинами, и над нарами ("пасраж") у входа в дом — для "шогунбандов", вносимых мужчинами. О прикреплении "шогунов" к столбам и потолочным балкам в Вахане слышать не приходилось. В Ишкашима и в к.Авдж (Г.Н.Наврузов) женщины вносили "калкалоки" редко, так как самим им изготавливать их не полагалось, как и вообще не полагалось женщинам работать мужским ножом, что входило в компетенцию мужчин.¹⁴ Чаще всего они входили в дом, держа в руках простые ветки с почками. "Калкалоки" всегда делали мужчины — для себя, детей и иногда для женщин.

В к.Авдж (Ишкашим) в очищенный к Новому году дом хозяин, а нередко и кто-либо из близких мужчин, иногда объединившись по несколько (5-6) человек, вносили две более толстые ветки, оформленные как описанные выше ваханские "шогунбанды", чаще всего вариант с рядами расходящихся в разные стороны раструбов (рис. 1 д), называемые "калкалок", и укрепляли их над входным проемом, опирая на балку ("бузовез"), соединяющую два столба при входе в пога. Основания этих "калкалоков" укрепляли на "бузовезе", в углах, при столбах, наклонно, так, чтобы они наверху пересекались, образуя над входом крест. В 1965 г. Л.Бахтоваршоева видела такие пересекающиеся в виде крестообразной ветви над входом в пога одного старого, заброшенного, уже необитаемого дома в ваханском к.Вранг, во владении одного из старейших жителей Мададхона Мирабонова. В к.Авдж, если "калкалоков" было принесено разными лицами несколько, то их укрепляли перекрещивающимися парами в несколько рядов, образуя над входом род крестовой решетки (рис. 3 а).

Еще одной особенностью Ишкашима и Вахана является способ несения в дом новогодних "шогунбандов". Их держат поднятыми вверх, вращая так, чтобы верхушки их описывали над головой несущего круги (Г.Наврузов), или просто размахивая ими, как отмечено А.Л.Грюнбергом и И.М.Стеблин-Каменским.¹⁵

Нам удалось выявить некоторые представления, связанные со значением обряда внесения в очищенный новогодний дом предметов из ивы.

Первое сообщение о значении этого обряда было записано в Дарморахте, со слов пожилого жителя Бозора Одинаева. Он сказал, что "махак" вносится на Новый год в дом для того, чтобы обеспечить в наступающем году хороший урожай бобов (шугн. — "мах"), возможно, и других бобовых. Характерно, что шугнанцы, в том числе и баджувцы, у которых этот обычай был уже почти забыт, независимо друг от друга говорили о том, что такое оформление "шогынбандов", разделенных на членения, воспринимается как стебли бобов и других бобовых с отходящими в разные стороны веточками и стручками, которые считались символизирующими разрастание семьи, появление многочисленного потомства.

Позднее представления о связи ритуальных новогодних палок из ивы, вносимых в дом, с урожаем бобов были зарегистрированы и в других местах Шугнана, в том числе и в Уороге, и в долине Шахдары, а также в Вахане и Ишкашине (Г.Наврузов). В Ишкашине, как упоминалось, эти палки назывались "калкалок", в Вахане — "шогынбанд", но имеется интересный след представления об их связи с бобами в названии ритуального блюда из печеных стручков бобов, называемого по-вахански "калклок" ¹⁶, которое приготавливали только во время праздника уборки первого урожая бобов. ¹⁷

Следы почитания бобов, по-видимому, отражаются и в том, что для обсыпания потолка и стен дома после его новогодней очистки, а также всех входящих с поздравлениями употреблялась не какая-нибудь, а бобовая мука. Она же употреблялась для обсыпания людей, скота и прочего во многих других обычаях и обрядах помимо новогодних. ¹⁸

При записи в Дарморахте сведений от Б.Одинаева о значении "махака" как предмета, обеспечивающего обильный урожай бобов, ему был задан вопрос, существуют ли "шогуны", вносимые в дом на Новый год, способствующие обильному урожаю других сельскохозяйственных культур. Он ответил, что помимо "махака" раньше вносили в дом и другие "шогуны", которые должны были обеспечить обильный урожай проса ("пиндж"), ржи ("лашак"), пшеницы ("жиндам"). Однако никаких сведений о них он не сообщил. ¹⁹

Остановимся еще на последующей судьбе вносимых в дом новогодних палок. Основной "махак" в виде большой кисти, вносимый в дом хозяином и прикрепляемый к главной балке потолка или к столбу, в Шугнанае, в том числе и в Шахдаре, большей частью оставался до следующего года, до праздника первой весенней ритуальной запашки, которая обычно совершалась на Новый год. Тогда его сжигали на огне, на котором готовили ритуальное блюдо — "коче" — род густого мучного киселя, который в день первой весенней запашки съедали все члены семьи и давали волам на поле. Вносимые в дом членами семьи и детьми более мелкие палки затыкались за балки потолка и оставались там до того времени, когда в хозяйстве телилась корова. Тогда их сжигали при приготовлении обрядового кушанья из молозива "фалла" (шугн. — филла).

Интересно записанное И.М.Стеблин-Каменским в 1972 г. со слов учителя Акбаршо Султонова, 55 лет, в с.Змудг сообщение о дальнейшей

судьбе вносимых в дом на Новый год ивовых палок в Вахане: "А с тех прутьев сдирают кору и оставляют висеть (под потолком дома), больше к ним не прикасаются. Когда же выгоняют козлят на свежую траву, то эти прутья сжигают..."²⁰

Из сказанного видно, что припамирские ивовые новогодние палки тесно связаны с земледелием, в первую очередь с бобовыми культурами. Вместе с тем зафиксированный обычай сжигать часть этих палок при отеле коровы или когда молодой мелкого рогатого скота впервые выпускают пастись на свежей траве, указывает на связь этих предметов и с животноводством.

Остается сказать еще об ареале описанных обрядов и связанных с ними представлений. Хотя новогодние ветви ивы с почками листьев и цветов называются в разных районах Припамирья по-разному, а также различаются по форме, способу внесения в дом и месту укрепления их в доме, но основной принцип их изготовления везде один — оформление их отдираемыми от ствола полосками коры и стружками сочной, легко отделившейся древесины, часто завивающимися. Выявленный пока в Бадахшане их ареал довольно ограничен. Это Вахан и Ишкашим (не только правобережный, советский, но и, несомненно, левобережный, составившие еще в конце XIX в. одно целое), Горан (дол.р. Гармчашма и припанджские селения, населенные таджиками,²¹ весь Шугнан (дол.Шах-дары и Гунта, а также припанджские шугнанские селения вплоть до долины Баджув).²² Ниже по Пянджу — в Рушане, Бартанге, Язгулеме, Ванче, несмотря на специальные расспросы Л.Бахтоваршоевой в 1965 г., обычай внесения в дом хозяином на Новый год ритуального предмета из ивы выявлен не был.²³

Только в 1985 г. было записано ценное сообщение этнографа Н.Турсунова относительно специально оформленной палки из ивы, называемой "калтак", вносимой в Ленинабаде на Новый год в дом. Длина ее бывала около метра или немного больше, и по всей длине на ней чередовались полосы (шириной около 10 см) — оголенные и с нетронутой корой. Только с предпоследнего нижнего членения кора была спущена вниз узкими полосками, завивающимися колечками над последним членением, служащим ручкой (см.рис. 36), т.е. так же, как и в Припамирье. Это сообщение пока единственное как для Ленинабада (б.Ходжента), так и для всех районов вне шугнано-ваханского ареала, расположенных к северу от него.

Гораздо более широк был ареал бытования другого новогоднего обряда, связанного с ивой. Мы начнем с его описания в Шугнани, где в 1964 г. нами, а в 1965 г. Л.Бахтоваршоевой были записаны о нем наиболее подробные сведения. Ранней весной, когда начинают появляться на тонких ветках ивы (вед) первые почки ивовых сережек (гулгунча) и листочки, еще маленькие, клейкие, девочки ломают побеги длиной 50–60 см. Сорванные ветки на толстом конце надкусывают (рис.4), а затем, зажав веточку крепко между первым и указательным пальцами правой руки, держа толстый конец в зубах и придерживая ветку левой рукой, легко отдирают свежую влажную кожицу с почками вниз, слегка наискосок (рис. 5), оголяя стебель до тех пор, пока вся кожица с почками оказывается на тонком конце ветки, образуя тугой пучок, род сул-

тана (рис. 6). Со свежими веточками ивы в виде описанного прутика с султаном наверху (рис. 7), называемым в Шугнанах, как и весь обряд, связанный с ним, "гулгунча", или даже просто с веточкой в руках каждый шугнанец входил хотя бы один раз в день Нового года в каждый дом — свой или родственников, или односельчан. Это считалось обязательным. Если весна была поздняя и к празднованию Нового года почки на ветках ивы еще не появились, то этот обряд справлялся позже, когда появлялись почки, но делалось это непременно.

От оформленных описанным образом веточек отламывали у основания султана оголенную от кожицы часть стебля, а султан растягивали. В результате получался род пустого мягкого чехла из кожицы с почками на ней (рис. 8). Из таких чехлов девушки и молодые женщины сплетали две косы, имитирующие свои натуральные или приплетные. Замужние женщины носили их на спине, а девушки опускали на грудь (рис. 9 и 10).²⁴ Молодые женщины старались сделать ивовые косы поплынее — из 25–30–40 мягких чехольчиков, даже привязывали дополнительную короткую кисть вверху, у начала правой косы, как это делали из цветных шерстяных ниток в обычной нарядной прическе, а внизу, как полагалось, скрепляли концы кос дополнительной веточкой, имитирующей тесемку (рис. 9).²⁵ Старухи оформляли свою прическу гораздо проще, иногда почти символически, не вплетая в волосы обработанных веточек "гулгунча" с выломанным стеблем, а лишь прикрепляя к началу правой косы своей обычной прически одну–две тронувшиеся в рост веточки. Это даже самые дряхлые старухи старались выполнить.

Помимо приплетных кос девочки и девушки изготавливали из мягких кожиц "гулгунча" имитации и других женских украшений: ожерелья на грудь, серег и т.п. С ивовыми косами даже спали первую ночь после их приплетения.

В Припамирье описанный обычай внесения в дом пробуждающихся к росту веток ивы бытовал еще в XX в. во всех долинах местами уже только в виде пережитка в играх девочек. В верховьях Бартанга (сообщ. Кулмамада Хусейнова) из веточек ивы делали и венки, причем их можно было видеть "в виде маленькой чалмы", по словам информатора, и на головах маленьких мальчиков, не достигших зрелости (ба балоғат нарасидағй).

Почти все информаторы–бадахшанцы, родившиеся в довоенные и даже в первые послевоенные годы, еще наблюдали в своей молодости и юности этот обычай (косички из кожицы веток ивы с почками, с выломанными стеблями) и могли более или менее подробно его характеризовать. Этот обычай бытовал в Рушане, Ванче и Дарвазе (к. Умарак и др.).

Относительно его бытования в Каратегине сведений нет. В верховьях же Зеравшана зарегистрировано два сообщения (историка Р. Абулхаева из фальгарского селения Урметан и учителя Кози Вазирова из матчинского селения Пастигав) об отсутствии там этого обычая. Об отсутствии его в кишлаках Кулябской области и в Файзабаде сообщили этнограф Н. Бабаева и ряд информаторов из Куляба, Дангары, Сарихасора.

Узбекские археологи И. Ахраров и Д. Мирзаахмедов сообщают: "Весной кора талового дерева с бутонами привязывается к волосам девушки, этот обычай был известен во всем Мавераннахре".²⁶ К сожалению, авторы не говорят, к какому времени относятся их данные и каковы их

источники. Думается, что определение ареала этого обычая как "весь Мавераннахр" требует еще проверки и уточнения. Помимо Куляба, Файзабада и долины Зеравшана имеются сведения, достаточно надежные, об отсутствии этого обычая в прошлом в западной части Узбекистана. Так, уроженец Бухары и знаток ее быта писатель Джалол Икрами (личное общение) не видел в детстве в Бухаре, даже в играх девочек, сплетающих косичек из мягких веточек ивы с выломанным стеблем. Не изготавливали таких косичек и ирани, живущие в к.Зирабад под Бухарой (А.Мардонова). Нет сведений о бытовании этого обычая в Хорезме.

Но к востоку и юго-востоку от Бухары он бытовал широко. Первые подробные сведения о нем сообщил этнограф О.Муродов по Самарканду. Там той же техникой, что описана выше по материалам Бадахшана, изготавливались не только приплетные косы из веток ивы с выломанными стеблями, но и многочисленные женские украшения — налобные, ушные, нагрудные и др. О. Муродов в 1969 г. организовал изготовление и фотографирование таких предметов (к сожалению, фотографии были технически слабые). В последующие годы описываемый обычай был выявлен в Кашкадарьинской области Уз.ССР (к. Варганза Китабского района — Р.Кадыров) и широко в северном Таджикистане: Ленинабаде, Костакосе, Ура-Тюбе, долине р. Исфары, в Аште и в южной и восточной частях Ферганы — Коканде, Намангане, долине р. Сох. Относительно восточной части Ферганского ареала имеется в литературе краткое упоминание об этом обычае В.Наливкина и М.Наливкиной, относящееся к последней четверти XIX в. Заканчивая описание одежды и украшений женщин Ферганы, авторы пишут: "Девочки весной же вплетают в косы тонкие полоски коры с молодыми листиками и сережками, осторожно сдираемые с тонких же ветвей тала".²⁷

В 1983 г. были записаны дополнительные интересные материалы со слов этнографа У.Джахонова, который потом организовал изготовление и сфотографировал различные варианты оформления приплетных кос из тронувшихся в рост веточек ивы²⁸ (рис. 11 и 12). В предвоенные годы такие косы весной делали девочки во время игры. В Сохе считалось, что лучше всего получаются косы, сплетенные из веток плакучей ивы "беди маджнун", но раньше там ее было мало, и чаще использовали, как и в других местах, ветки "черной" ивы "беди сиёх".

Как в Сохе, так и в других местах (например, в Кашкадарье, сообщ. Р.Кадырова), где делались приплетные косы из веток ивы, они предварительно освобождались от стеблей, причем процесс этот был одинаков во всех зарегистрированных местах. Однако в отличие от Бадахшана в Сохе ивовые косички чаще всего не вплетали в косы, а прикрепляли к надеваемому на голову венку (чамбарак), сделанному из целых ивовых веток. Количество прикрепляемых косичек бывало от нескольких до сорока. Самое большое количество косичек старались прикрепить девушки, мечтавшие скорее выйти замуж. Приплетение ивовых косичек считалось магическим действием, способствующим быстрому физическому развитию девушки и скорому ее выходу замуж, а также символом плодovitости. При этом иногда и здесь, как бы для усиления действия, косички не прикреплялись к венку, а вплетались в свои волосы, как в Шугане, причем в таком случае и здесь кос плели не так много, как в девичьей прическе, а только две толстые косы, имитируя прическу замужней женщины. Млад-

шим девочкам, у которых волосы были короткие, ивовые косички приплетали к концам волос (см. рис. 11 и 12), а самым маленьким прикрепляли к краю тюбетейки.

Общее название для веточек с оголенным стеблем и сдвинутым пучком кожицы с почками было: в Сохе — "чошпупак", в Костакосе — "чошпопук" (У.Джахонов), в Ленинабаде — "чавгон", "чавкон" (У.Пулатов, Г.Рахматова), в Кява, в окрестностях Ленинабада, — "чавгон" (Л.Бойматов). Вероятно, в дальнейшем выявятся и другие варианты названий. В Сохе к различным способам прикрепления ивовых кожиц с почками также прилагались разные названия. Так, косички, приплетаемые к концам коротких кос у девочек, называли "пилтабанд"²⁹ (рис. 12 а и б), привязываемые к венку не густо, с промежутками (рис. 12 а и б) — "шаддабанд" (от шадда-нитка бус), или "марджонак" (от марджон — кораллы, коралловое ожерелье), а приплетаемые плотно, одна около другой (рис. 12 в) — "чамбарак" (венки).

В Ленинабаде и Сохе выявлена детская игра, в которую играли девочки в процессе изготовления чехольчиков из коры ивы для вплетания в косы. Первое упоминание об этой игре под названием "хайлупий" я услышала от археолога У.Пулатова, а позднее подробное описание ее в Ленинабаде получила от лингвиста Х. Артыковой (1930 г.р.). Привожу из ее письма выдержку: "Ранней весной, когда на ветках ивы появляются клейкие маленькие листики, девочки ломают их и каждую веточку (кору ее) надкусывают на толстом конце (совершенно так же, как это делали в Припамирье (см. выше. — А.П.) и сдвигают кожицу почти до конца. Получается оголенный прутик с пучком листиков на конце. (В Самарканде его называют "кубба" — О.Муродов). Две девочки берут свои прутики за толстые концы и крутят их перед собой, задевая вертушками один за другой, как бы фехтуя. (В Сохе (У.Джахонов) девочки при этом подпрыгивают на кончиках пальцев обеих ног. — А.П.). При этом они напевают: "Хайлупий, хайлупий, як-та додomba тупий" — "Хайлупи хайлупи, хайлупи, моему напе — тюбетейку". В дальнейшем в песенке называется другой родственник-мужчина. Выигрывает девочка, у которой на прутике сохранится пучок-кисточка, а проигрывает та, у которой ее противнице удалось его сбить, и остался только голый прутик. Так играют пока не надоест — 25-30 раз. Потом, собрав сбитые кисточки листьев без прутиков, расправляют их и получают как бы вертушки с почками и листиками, из которых плетут косички, как сказано выше, и прикрепляют их к венкам из целых веточек со стеблями". Ленинабадская учительница Гавхар Рахматова рассказала, что она в детстве применяла к этой игре еще название "чавгонбози" (от чавгон, чавкон — название ветки со сдвинутой корой: как известно, основное значение термина "чавгон" — название игры в конное поло). Кроме этого, в ее детстве не среди девочек, а среди мальчиков тоже ранней весной бытовала игра, называемая "бедбози" — игра в иву. Мальчики делились на партии и насыпали перед собой кучки земли, а потом в каждую из них втыкали веточку ивы. Затем начиналась игра, причем представители обеих партий старались вырвать веточки у своих противников. Подробности этой игры пока не выявлены, хотя, вероятно, они имели бы интерес, особенно если сопровождались какими-нибудь песенками.

Выше говорилось, что приплетные косы бытовали не везде. Например, этого обычая не было у бухарских таджиков и зирабадских ира-

72
ни. Однако у последних (А.Мардонова) вместо этого был обычай в это же время девочкам свивать венки из веточек ивы с почками, се-
режками и маленькими листиками. При этом стебель из веточек не
выламывался. Сорванные тонкие веточки складывали в пучок и, добав-
ляя все новые, слегка скручивали, а затем этим обвязывали голову
девочек. Было два варианта получающихся таким образом венков: простые круглые венки, при изготовлении которых к горизонтальному
жгуту добавлялись еще совсем тоненькие веточки, концы которых
торчали над жгутом вертикально. Второй вариант венков отличался
от первого тем, что свитый из веточек жгут наматывался вокруг го-
ловы девочки не просто в виде круглого венка, а способом, каким по-
вязывается мужская чалма, т.е. после обматывания головы жгутом
конец его спускался на грудь, как конец чалмы (фаш). При демон-
страции того, как это делается, А.Мардонова выпустила конец "чалмы"
не слева, как это полагается делать в быту при повязывании мужчи-
нами чалмы, а справа, как при повязывании ею головы покойника.

При обсуждении описанных обычаев с археологами В.И.Распопо-
вой и Б.И.Маршаком они обратили мое внимание на то, что мотивы,
сходные с держанием в руках во время обрядовых церемоний веток с
листьями, имеются в пенджикентских росписях. На них изображены си-
дящие мужские фигуры, держащие в руках ветви какого-то лиственного
дерева; такими же вертикально стоящими ветками украшены их го-
ловные уборы.³⁰ Соблазнительно было бы связать эти изображения с
нашими данными об иве, внесении ее веток в день Навруза в дома, из-
готовлений из них венков, эгретов. Однако на росписях все изобра-
женные ветки имеют супротивное расположение листьев, в то время
как для ивы характерно их спиральное расположение. Да и сама форма
листьев иная. Поэтому, если в росписях нет стилизации, то изображе-
нные на них ветки не могут быть ивовыми, хотя ритуальный характер
этих изображений несомненен. Попытки при консультации ботаников оп-
ределить, ветки какого растения изображены на росписях, не увенча-
лись успехом.

Подводя итоги изложенному, отметим, что выявленные нами ве-
сенние обряды, связанные с ивой, у таджиков и других оседлых на-
родов Средней Азии расширяют ареал (ныне прерывистый) почитания
ивы (вербы), известный в славянской обрядности и шире — среди ряда
европейских народов. В Средней Азии культ ивы по своим функциям со-
ответствует славянскому и европейскому культу березки, которую ран-
ней весной, завивая ее ветки кольцами или венками, вносили в дома.
Эта параллель отмечена и Р.Амоновым.³¹ И ива и береза известны
своим ранним пробуждением весной и быстрым ростом.

Более глубокое исследование описанных нами обрядов не входит
в задачу статьи. Для понимания их многое можно извлечь из статьи
Д.К.Зеленина, посвященной специально пережиткам культа деревьев.³²
Упоминаемые им обряды и их характерные детали часто находят парал-
лели у таджиков и других оседлых народов Средней Азии, что может
свидетельствовать об их генетическом единстве. Датировать его сле-
дует, очевидно, временем индоевропейской общности входящих в эту
группу народов.

В заключение хочу добавить, что обычаи и обряды, связанные с почитанием ивы (вербы), известны и у некоторых других народов, в частности у евреев в их календарных обрядах, хотя они, как известно, относятся к другому, переднеазиатскому ареалу. В осеннем празднике урожая евреев — "кущи" или "сукко", "суккот" (букв. шалаш) ива играла важную роль. Праздник сопровождался процессией верующих, держащих в руках ветви вербы с листьями. По окончании процессии начинался обряд сбивания с веток листьев, для чего ветками ударяли об пол. Этот обряд назывался "молотьба листьев".³³ В среднеазиатской шаманской и знахарской практике, в частности при камлании во время обряда "кучурма" — изгнания злого духа из больного — употреблялись прутья ивы, очищенные от листьев. Значение употребления при этом только очищенных от листьев прутьев остается невыясненным.³⁴ Также невыясненным остается значение сбивания листьев в еврейском обряде молотьбы листьев.³⁵

В Средней Азии у самаркандских и бухарских евреев ива в этом празднике урожая (справляемом в конце августа — начале сентября) тоже играет большую роль. Здесь он на еврейском диалекте таджикского языка называется "бедбандон" (букв. связывание ивы), так как основным материальным аксессуаром праздника является прямоугольный шалаш, сооружавшийся из свежих ивовых веток, к которым подвешивали различные фрукты. (Описание этого праздника у самаркандских евреев см. в статье Я.И.Калонтарова, помещенной в этом сборнике).

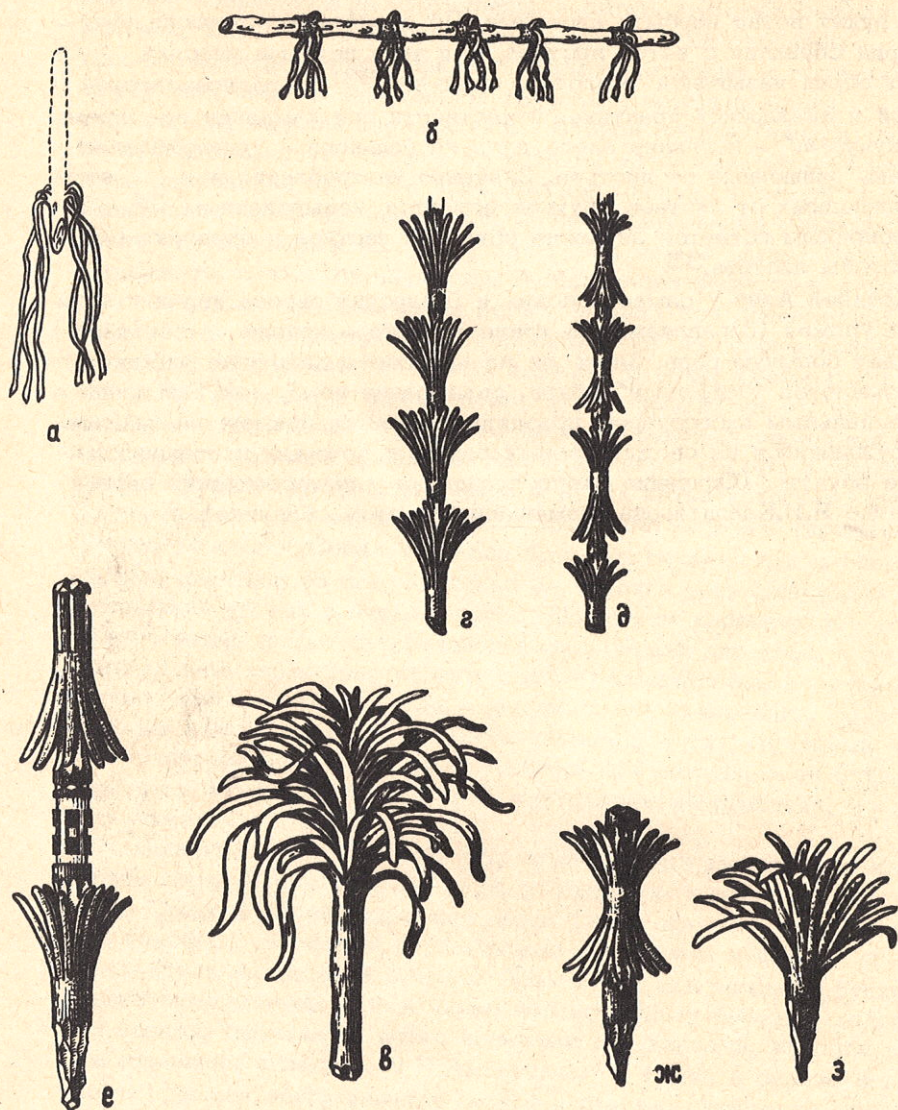

Рис. 1. Ритуальные новогодние предметы из ивы в Бадахшане:
а — способ изготовления ритуального новогоднего предмета "кажак" в долине Шахдары (рис. М.С.Андреева); б — то же в Хороге и ниже Шугнана (рис. М.С.Андреева); в — ритуальный новогодний предмет "махак", изготовленный в сел. Вирун в дол. р.Гунт (рис.: Ю.П.Гремячинской) 1964 г.; г, д, е — варианты ритуальных новогодних палок "шогунбанд", изготовленных в сел. Вранг и Внукут в Вахане (рис. Ю.П.Гремячинской); ж, — детские "шогуны" из сел.Ширгин в Вахане (рис.Ю.П.Гремячинской)

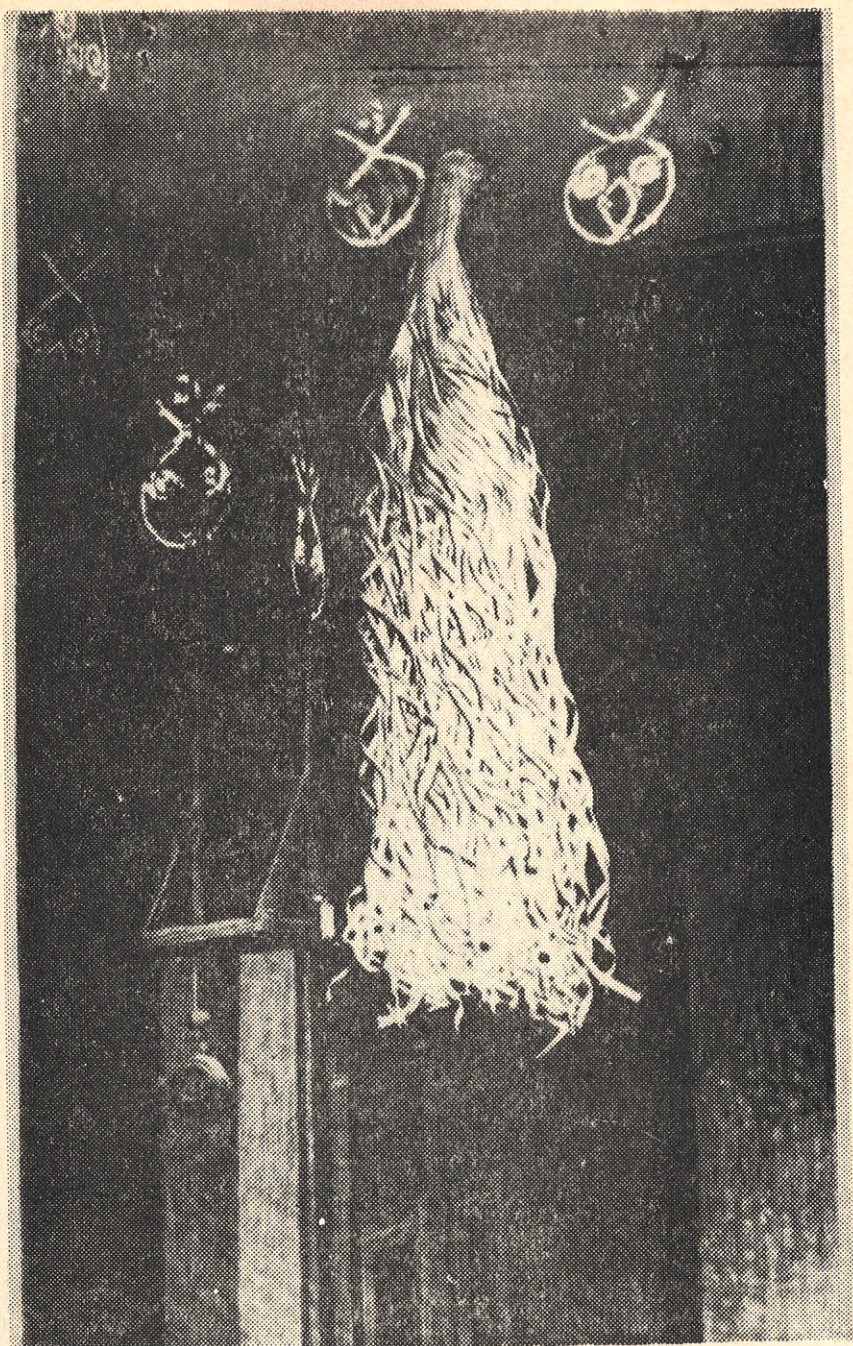

Рис. 2. Новогодняя ивовая кисть «кажак», или «махак»,
в доме Козибека Довудова в к. Хидорджев, дол. Шахдары. Шугнан.
(Фото И. М. Мухиддинова, 1965)

Рис. 4. Надкусывание коры на ветке перед сдвиганием ее со стебля

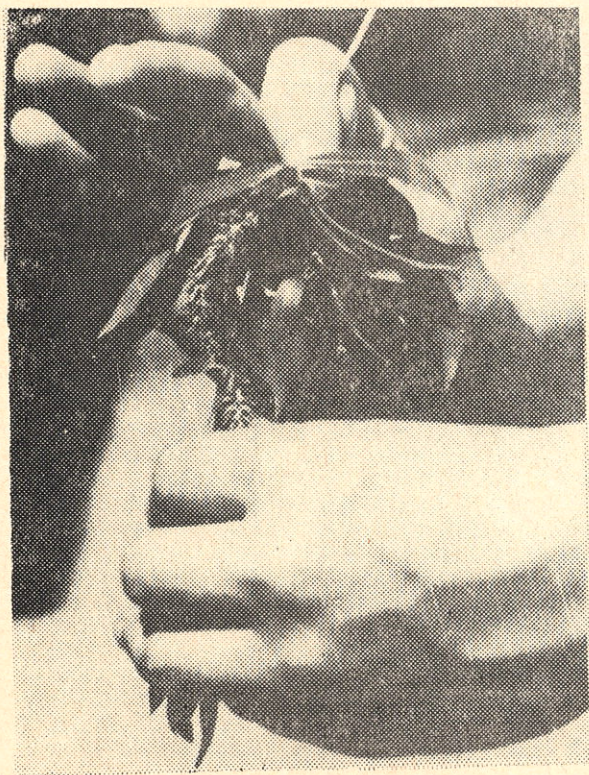

Рис. 5. Процесс сдвигания на конец ветки

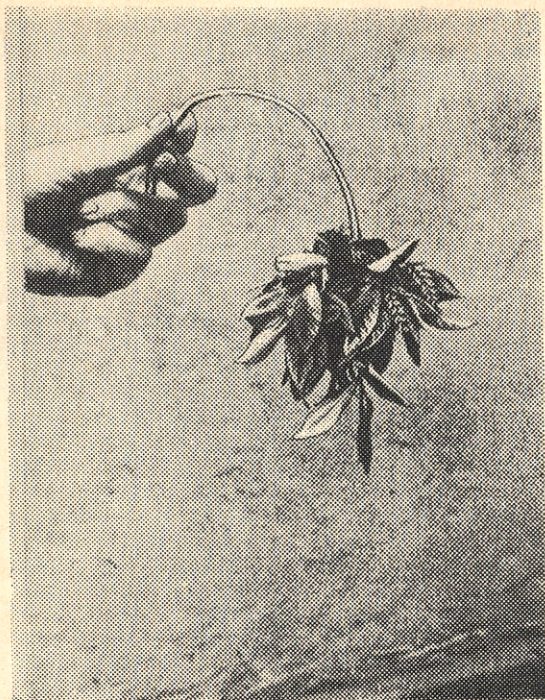

Рис. 6. Веточка ивы «гул-
гунча» со сдвинутой на конец
в виде пучка корой

Рис. 7. Внесение в дом
веточки «гулгунча» со
сдвинутой в виде пучка
на конец корой

Рис. 8. Кора ивовый веточки
«гулгунча» с
выломанным
стеблем

Рис. 9. Косы из кожиц веток
ивы, вплетенных в волосы
женщины, носимые на спине

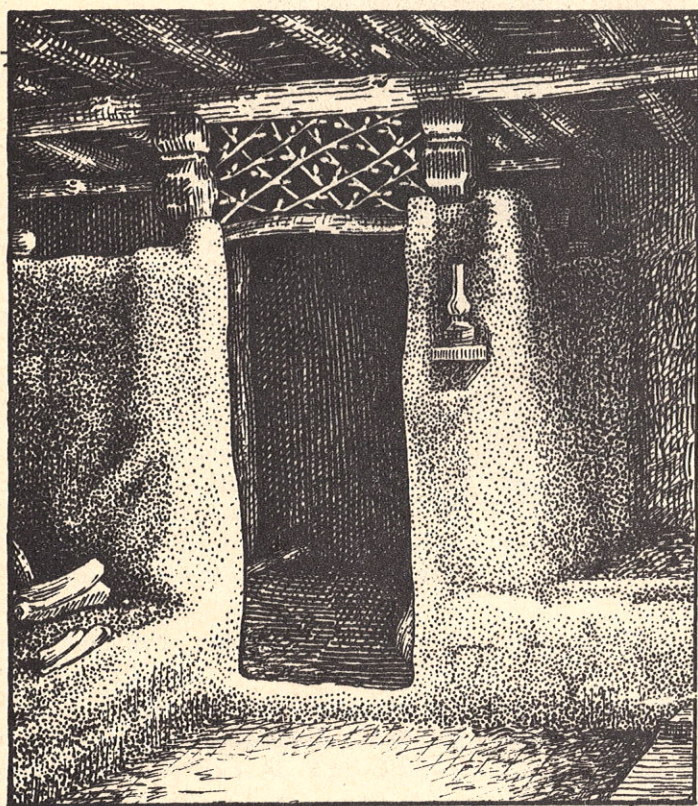
Рис. 10. Косы из кожиц ивы, вплетенные в волосы девушки,
носимые на груди

Рис. 11. Различные варианты приплетенных кос из кожицы ивовых веток в дол. р. Сох (к. Сариканда): а—«пилтабанд»; б—«шадабанд» (шаддабанд), или «марджонак»; в—«чамбарак». Вид спереди. (Фото У. Джахонова, 1980 г.)

Рис. 12. Различные варианты приплетенных кос из кожицы ивовых веток в дол. р. Сох (к. Сариканда): а—«пилтабанд», б—«шадабанд», или «марджонак»; в—«чамбарак». Вид со спины. (Фото У. Джахонова, 1980 г.)

а

б

Рис. 3^а. Вход в пога ишкашимского дома (вид изнутри).
Перекрещивающиеся над входным проемом новогодние палки
(Рисунок Г.Н. Наврузова).

Рис. 3^б. Палка "калтан", вносимая на Новый
год в дом в Яшнарбаде. Рисунок Н. Пурсунова.
(к стр. 24)

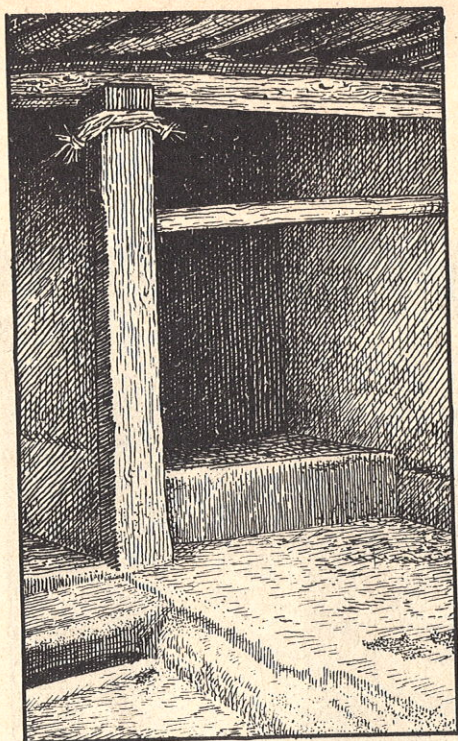

Рис. 13. Венок из стеблей с колосьями
первого урожая ячменя на столбе у входа в пога ваханского
дома, к.Вранг. (Рисунок А.К.Разыграевой с фото 1964 г.).

П Р И М Е Ч А Н И Я

1 Необходимо заметить, что литература по празднованию у иранских народов дня весеннего равноденствия и новогодним обрядам огромна. В данном сообщении автор поставил перед собой задачу осветить очень узкую тему: о роли ивы в новогоднем обряде на территории советского Бадахшана и в других районах обитания оседлых народов Средней Азии, у которых удалось выявить пережитки былого культа ивы.

2 См.: Писарчик А.К. О пережитках культа ивы у таджиков (Материалы). - В кн.: Прошлое Средней Азии. - Душанбе: Дониш, 1987.

3 Как известно, Хорасан издавна входил в ареал расселения таджиков и их предков. См.: Народы Передней Азии. - М., 1957.-С. 149.

4 Иностранцев К.А. Сасанидские этюды. - СПб, 1909.-С.88.

5 Эти записи М.С.Андреева хранятся в его архиве в секторе этнографии Института истории АН Тадж.ССР. Папка № 33. Шугнан.С.1-7.

6 Писарчик А.К. К вопросу о припамирско-кавказских параллелях. - В кн.: Памяти А.А.Семенова. - Душанбе: Дониш, 1980.-С. 261-276.

7 Произношение местных припамирских терминов передается приблизительно русской графикой.

8 Андреев М.С. Указанные записи 1943 г.

9 Моей помощницей в этой работе была сотрудница экспедиции и сектора этнографии Лола Бахтоваршоева, шугнанка, хорошо знающая язык и быт шугнанцев. В 1965 г. она, в связи с тем, что я в полевых работах сама участвовать не могла, взяла на себя труд продолжить для меня сборы материалов по иве, за что я приношу ей мою искреннюю признательность.

10 Хранится в фондах Музея этнографии АН Тадж.ССР в Душанбе под № КП 610-2.

11 Розенфельд А.З. Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения Советского Бадахшана. - Сов. этногр., 1970, № 3. - С. 115-116.

12 Значение слова "шогун" в таджикском толковом словаре Фарханги забони тоҷики. (Душанбе: Ирфон, т. 2, 1979.-С. 602) объясняется как "фоли нек, муборак шумурдани чизе", т.е. "хорошее предзнаменование, почитание чего-либо".

13 Хранятся в Музее этнографии АН Тадж.ССР под № КП - 577.

14 Разделение труда между мужчинами и женщинами в старом быту таджиков нередко соблюдалось очень строго, и из этого вытекало много запретов и ограничений. Женщина не могла делать многих дел, выполняемых мужчинами. Кроме отмеченного запрета на изготовление обрядовых предметов, вносимых на Новый год в дом, женщина не могла заколоть животное, даже если знала полагающиеся при этом для прочтения молитвы. Мясо умерщвленного ею животного считалось ритуально нечистым (харом), многие его не ели. Однако иногда, когда складывалось совсем безвыходное положение - погибло большое или искалеченное животное, и возникала угроза, что если оно не будет заколото как положено, с пролитием крови и прочтением необходимых молитвенных выражений, то мясо его станет непригодным для еды, поганим, - женщина

решалась такое животное заколоть. Однако при этом она помещала между ног палку или морковку. Это должно было обмануть (кого? — А.И.), доказать, что это не женщиной, а мужчиной убито данное животное. Такие факты были зарегистрированы этнографами в южном Таджикистане — Кулябе, Припамирье, Ишкашиме (М.А.Хамиджанова, Т.И.Мезурнова, Г.Наврузов). В Рушане (Х.Курбанов) в подобной ситуации, если было необходимо зарезать животное, и мужчины для этого не было, но в доме находился ребенок-мальчик, женщина вкладывала нож в его руку и убивала животное, действуя ею.

Женщина не должна была разжигать огонь, в том числе и в очаге, для выпечки хлеба. В Шугнане (Л.Бахтоваршоева), если в это время в доме не было мужчины или соседа, который мог бы разжечь огонь, женщина откладывала выпечку хлеба. В Рушане (Х.Курбанов) мужчина тоже разжигал огонь в очаге и следил за его поддержанием, но прикасаться к находящемуся в очаге хлебу не мог, даже если видел, как от стенки очага отлепилась лепешка и упала в огонь, он мог только сказать об этой пекушей хлеб женщине.

На выполнение мужчинами женских работ во многих местах существовало не меньше запретов. Так, мужчина в доме не должен был готовить пищу, в частности мучную. В старое время в Сохе приготовленную мужчиной лапшу считали бы ритуально нечистой, ее, как говорили, "никто не стал бы есть" (У.Джахонов). Для резания лапши женщины имели специальный большой нож особой формы. Мужчины этими ножами не пользовались никогда. Любопытно, что если хозяйке был нужен этот нож, а его под рукой не было, то она старалась послать за ним мальчика, а девочку (Ура-Тюбе, Н.Тошматов).

Мужчине нельзя было печь хлеб из кислого теста. Если он находился вне дома — на пастбище (пастух) или на мельнице — то выпекал себе хлеб сам из пресного теста. Мужчина мог заниматься выпечкой хлеба из кислого теста только как профессионал-ремесленник, получив на это занятие разрешительную молитву (фотиха).

Мужчине также запрещено было заниматься доением скота. Пастухи на пастбищах могли доить скот для получения молока только для своего потребления. При заготовке же на зиму молочных продуктов это всегда должны были делать женщины, которые для этого отправлялись с пастухами и скотом на летовки.

Кроме того, в горах и там, где не было женского затворничества, мужчины не должны были приносить воду, выносить золу из очага, подметать пол в пога и на нарах (Тавильдара, М.Р.Рахимов, Вахан, к.Вранг), стирать, шить и делать многие другие женские работы. Если мужчина выполнял их сам, то его и его жену дразнили и позорили. Мужчину называли в этом случае оскорбительным прозвищем "хезалак" — импотент. У.Джахонову известен случай в Сохе, когда жена, не желая терпеть насмешек по этому поводу, ушла от мужа.

Однако в Шугнане женщин, которые могли, например, шить одежду из овчины, что было мужским делом, или варить обрядовую пищу на больших коллективных собраниях, очень уважали, в последнем случае называли "нербухч", т.е. варящую по-мужски. Л.Бахтоваршоевой записано сообщение, что в старину приготовлением пищи для общественных трапез занималась женщина (под руководством мужчины).

Запреты на выполнение женских работ мужчинами известны и у некоторых других народов. "У курдов считается позором, если мужчина выполняет женскую работу (приготовление пищи, выпекание хлеба и т.п.). Мужчины-курды насмешливо называют его "сэр жьньк" (букв. женской головой), этот мужчина не пользуется уважением и среди женщин". (См.: Аристова Т.Ф. Очерк культуры и быта курдских крестьян Ирана. - Переднеазиатский сборник. 1. - М., 1958, - С. 244). У узбеков Ферганы различалась по полу брань. "Так как ругань вообще очень распространена между сартами, то на ругань детей почти никакого внимания не обращается... Единственное, что от них ... требуется..., это неперемненное употребление только тех, как отдельных слов, так и целых фраз ругательного содержания, которые приняты обычаем для данного пола". (В.Наливкин, М.Наливкина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. - Казань, 1886, - С. 190).

15 Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Языки Восточного Гиндукуша: Ваханский язык. - М.: Наука, 1976, - С. 236, прим. 2, с. 461 слово шогын, шогынбанд, шогыншыпк. В дальнейшем цитируется: Ваханский язык.

16 Ваханский язык, с. 190 и 366.

17 В Вахане и Ишкашме, как во многих других горных районах, где в прошлом собранного урожая хлебов до нового урожая часто не хватало, весной наступал период недоедания и даже голодовок. Поэтому там, возможно, раньше, часто при праздновании первой весенней ритуальной заправки, засеивался небольшой участок самыми ранними культурами - ячменем, бобами, чтобы до посева основных посевов поскорее получить хотя бы небольшой урожай. По сообщению Г.Н.Наврұзова, такой первый ранний урожай любой культуры в к.Авдж в Ишкашме назывался "навку-ни" (ср. "навкон" - колосья пшеницы, осыпающиеся на землю во время жатвы. - Тадж.рус.словарь. - М., 1954, - С. 254). Из этого первого небольшого урожая приготавливалось обрядовое кушанье, которое съедалось при праздничном ритуале. С поля в дом приносили пучки стеблей сжинаемой культуры с колосьями, из них свивалось свясло, и им обвязывалась в виде венка верхушка столба у входа в пога. В 1964 г. такие повязки (венки из ячменя - стеблей с колосьями) мы видели в домах ваханских кишлаков от Лянгара до Шитхарва (рис. 13). По нашим записям, в Вахане это было связано со следующим обычаем. Когда первый ячмень или другая культура раннего посева поспевала и приходила пора его жать, хозяин дома, а если его нет, какой-либо близкий родственник - мужчина, встав очень рано, перед рассветом, еще затемно, приносил с поля в дом сноп ячменя, пучок дикого шавеля (шилха) и сделанную им самим метлу, привязанную к длинной палке-ручке. (Обычные веники, употребляемые для подметания дома, делаются женщинами и ручек не имеют; осталось невыясненным, из какого растения делалась в данном случае метла). Войдя в дом, хозяин клал метлу на нары (пудраж), а колосья - ми ячменя и пучками шавеля обвязывал верхушки всех пяти основных столбов дома. Метлой подметали в доме один день, а на следующий день длинную ручку выбрасывали и пользовались веником без нее до тех пор, пока он не искрошится. Тогда его сжигали, а новый изготавливали женщины, как обычно без ручки. Наши записки и сообщения Г.Наврұзова допол-

няют друг друга. После приноса в дом стеблей ячменя (или бобов, или гороха) съедается ритуальная пища из зерна нового урожая, а повязки из стеблей колосьев остаются на столбах до следующего Нового года. Об обычае украшать столбы домов в Вахане колосьями злаков упомянул О.Олуфсен и высказал предположение, что этот обычай может быть пережитком авестийского культа Анахиты. См.: *O. Olufsen*

Through the unknown Ramits.

18 См.: Стеблин-Каменский И.М. Повседневная и ритуальная пища ваханцев: Страны и народы Востока, вып. 16. — М.: Наука, 1975, — С. 193. Стеблин-Каменский объясняет: "Бобовая мука хорошо прилипает к тому месту, на которое ее посыпают... В каждом доме имеется целый мешок этой муки, предназначенной только для ритуальных целей". (Там же). Однако в свете всего изложенного представляется возможным предположить, что дело не только в качестве муки, а в ее ритуальной ценности.

По сообщению З.Юсуфбековой (к.Пиш, Дарморахт), муку, предназначенную для ритуальных обсыпаний, мололи крупнее, чем для употребления в пищу, т.к. мука более крупного помола лучше пристает к посыпаемому месту. По другим районам я имею очень мало сведений о бобах. Наиболее интересна запись со слов Розиябону Туфановой, работницы театра, в молодости долго жившей в Рохати в Симиғанче, о том, что в к.Магмуруд (Орджоникидзеабадского района) в день Навруза вокруг дома разбрасывали бобы (вареные?) в качестве меры, предохраняющей от вреда, причиняемого злыми духами. Кроме того, на Навруз высаживали вдоль водных потоков веточки ивы. Р.Л.Неменов в к.Кипчак в низовьях Рамита было записано, что считалось, злые духи "аджина" заплетали косы из длинных веток плакучей ивы и веселились под ними.

19 Только позднее, в 1964 г. и последующих, в других местах (Шугане, Вахане, Ишкашме) удалось выявить представления о том, что обильный урожай пшеницы (вероятно, и других зерновых) якобы обеспечивался внесением в дом на Новый год пучка веток шиповника. По этому вопросу, а также по пережиткам культа шиповника среди широкого круга оседлых народов Средней Азии, в последующие годы удалось собрать некоторый материал, которому предполагается посвятить отдельную статью.

20 Ваханский язык, с. 187 и 235.

21 О таджикоязычном населении Советского Бадахшана и его расселении см.: Розенфельд А.З. Бадахшанские говоры таджикского языка. — Л., 1971.

22 Что касается техники изготовления ритуальных новогодних предметов — отдирания коры на ветках, из которых они изготовлены, — то она имеет параллели на Кавказе, но там эти предметы изготавливались из других растений. (Писарчик А.К. Ук.соч., с. 273 и сл. Там же см. и библиографию).

23 Только в долине Ванча в 1965 г. Л.Бахтоваршоевой со слов жителя с. Рохарв Покиза, которому тогда считалось 70 лет, было записано следующее сообщение: "В старину во время празднования Нового года был обычай "гулгардони". Брали большую ветвь ивы (бед) такой

величины, чтобы, внесенная в дом, она доходила до потолка. Она была оформлена, по определению информатора, "в виде цветка". Весствол ее был оформлен как "шогун бахор муборак" в верхнем кишлаке. Вир в долине Гунта, т.е. как во втором варианте шугнанского "махака" (ствол был разбит на членения, и кора отдиралась от ствола в пределах каждого членения. — А.П.). К вершине ветки прикреплялся цветок (гул), сделанный из бумаги или из тряпок. С этим ритуальным предметом ходили с утра до вечера (ночью не ходили) из дома в дом и войдя говорили: "Шодй бод, шодй бод, шодй хам шуморо бод". — "Пусть будет радость (веселье), пусть будет радость, пусть радость будет и у вас". Колядующим, как обычно, подавали что-нибудь. Более подробных сведений об этом получить не удалось.

Ванчский "цветок", с одной стороны, имел некоторые черты, сходные с вахано-шугнанскими предметами из ивы, вносимыми на Новый год в дома: он тоже изготовлялся из ивы и сходно было его оформление — разделение на членения и сдирание коры в пределах каждого членения таким же образом, как в Вахане и Шугнанае. Но он имел и отличия. Вахано-шугнанские "шогунбанды" и "махаки" делались специально для данного дома, вносились в каждый дом на Новый год самим хозяином или кем-либо из родственников или близких людей и оставались в доме до определенного срока, часто до наступления следующего Нового года. Ванчский же цветок изготовлялся коллективно и не для какого-либо одного дома, а для всех домов селения, в которые он по очереди вносился. В последней черте имеется сходство с обрядом весеннего праздника цветов, который бытовал в разных вариантах во многих местах среди оседлого населения Средней Азии. Живые цветы привязывали к стволу дерева (джиды, тополя и др.), привезенному в селение, где вокруг него происходило празднество. Впервые в Средней Азии этот обычай был выявлен и подробно описан Е.М.Пешеревой, которая отметила его соответствие "майскому дереву" европейских народов (См.: Пешерева Е.М. Праздник тюльпана (лола) в селении Исфара Кокандского уезда. — В кн.: В.В.Бартольд. Туркестанские друзья и почитатели. — Ташкент, 1927, — С.374—384). Позднее этот обычай-обряд был выявлен шире. (Подробное описание хорезмского варианта, а также рассмотрение его значения и генезиса см.: Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. — М.: Наука, 1969, — С. 195, 205 и сл.). Различия между узко-семейным, "камерным", для каждого дома и общественным, для всего селения, характером изготовления и использования ритуального предмета в народных праздниках некоторыми исследователями кладется в основу временной классификации таких праздников: форма общественного празднования считается более древней (См.: Зеленин Д.К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. — М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937, — С. 65, 66, 70).

24 О различии в способе ношения кос женщинами и девушками в Рушане и Шугнанае см.: Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Душанбе: Дошиш, вып. 2, 1958, — С. 253.

25 Следует учитывать, что все снимки (припамирские и равнинные), на которых показаны ветки ивы, оформляемые для изготовления из них косичек, были сделаны не весной, когда только появились почки, а летом, когда листья были уже большие, с целью показа техники изготовления веток для косичек и способов их прикрепления.

- 26 Ахроров И., Мирзаахмедов Д. Керамика и стекло Аксикента. - В кн.: Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. - Ташкент: Изд. литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1983, - С. 162.
- 27 Наливкин В. и Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. - Казань, 1886, - С. 107.
- 28 В Сохе (У.Джахонов) этапы развития почек ивы весной определяются следующими терминами: 1 - "куртак" - первые появившиеся признаки завязей; 2 - "бугумча" (букв. суставчики, членения); 3 - "гул кардан" - зацветание сережек, в это же время появляются и первые маленькие, еще клейкие листочки; 4 - "барг баровардан" - крупные созревшие листья. (На фотографиях видна именно эта стадия - зрелость листьев).
- 29 В быту так называются приплетки или прикрутки из ваты на концах кос в будничной прическе девочек и девушек.
- 30 Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда (По материалам пянджикентских храмов). - В кн.: Живопись древнего Пянджикента. - М.: Изд. АН СССР, 1954. - С. 31 и табл. УП и IX.
- 31 Амонов Р. Киссаи беги баланд, чанори пургул ва себи Самарканд. - Садои Шарк, 1977, - №№ 2 и 3. Памир, 1983, - №№ 7, 10 и 11.
- 32 Зеленин Д.К. Ук. соч.; см. также: Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. - Л., 1963. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Весенние праздники. - М.: Наука, 1977, (сб. статей); Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. - М.: Наука, 1983, в частности: С.А. Токарев, М.Д. Филимонова. Обычаи и обряды, связанные с растительностью, С. 145-160. Во всех этих работах имеется обширная библиография.
- 33 Еврейская энциклопедия. Изд. Об-ва для научных еврейских изданий и Издательства Брокгауз-Эфрон. - СПб, без года. Т.У. - С. 501-502. - Вербка как предмет богослужения.
- 34 Снесарев Г.П. Указ. соч.
- 35 Еврейская энциклопедия. - Т. У, - С. 502.

Я.И.КАЛОНТАРОВ

ПЕРЕЖИТКИ КУЛЬТА ИВЫ У СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ЕВРЕЕВ САМАРКАНДА

Куль^т растений, в частности ивы, был распространен у многих народов мира¹, в том числе и у евреев.

В данном сообщении описываются некоторые обычаи и обряды среднеазиатских евреев, сопровождавшие древнееврейский осенний праздник сукко (шатры), известный в русском языке под названием "кущи". У среднеазиатских евреев, родным языком которых является диалект таджикского языка,² этот праздник в обиходе носит таджикское название

"бедбандон" — буквально — обвязывание ветвями ивы.³ Этот праздник, посвященный завершению сбора урожая, отмечался в последнем месяце древнееврейского лунного календаря, называемого "тишри", который приходился на конец сентября — начало октября. Праздник этот длился 8 дней, в течение которых было предписано жить в шатрах.

Шатер — "сукко" полагалось устраивать под открытым небом на хорошем, чистом месте во дворе, ни в коем случае под деревьями или виноградником. Если в одном доме проживало несколько семей и двор был большой, то обычно каждая семья устраивала "сукко" отдельно, но если двор был небольшой, то устраивалось одно общее помещение на всех. В некоторых семьях устраивали "суккоча" (малые сукко) для детей. Площадь самых больших "сукко" достигала 28—30 кв. м, а высота — не менее двух и не более трех метров.

По углам сооружаемого шатра устанавливали четыре деревянных стойки. На верхушки их укладывали тоже четыре балочки. Балочки и стойки крепили ветками ивы. Поверх балочек, поперек укладывали жерди на расстоянии 50—60 см друг от друга. Жерди эти покрывались свежесрезанными ветвями ивы, причем полагалось класть ветви так, чтобы ночью сквозь ивовый настил были видны звезды, а днем в шатре было больше тени и меньше солнца. Пространство между стойками закрывалось настенными сузани, коврами, **тханиями**. Некоторые семьи имели постоянные готовые стойки и балки, аккуратно стесанные и даже покрашенные. Балки крепились крючками, все деревянные части быстро соединялись. Дверной проем обрамляли густой гирляндой из ветвей ивы.

Внутри "сукко" развешивали осенние живые цветы: астры — "гули зард"; "қашқари", базилик — "нозбуй", "райхон". К потолочным балкам подвешивали фрукты: айву, яблоки, груши (в Бухаре — небольшие арбузы и дыни). Пол застилали коврами. Садились за столиками на низких ножках "шулхон", вокруг которых для сидения расстилали курпачи (узкие стеганные одеяла). В некоторых семьях в последнее время стали ставить стол и стулья. Внутри "сукко" нельзя было оставлять принадлежности для умывания, состоящие из сосуда для воды "афтова" и тазика "таштак", веник для подметания и другие предметы, считавшиеся нечистыми (**харом**). В переднем углу устанавливали стул или табурет, накрытый нарядной материей — бархатом или шелком, на нем лежал молитвенник. Это место никем не занималось, оно, по религиозным предписаниям, предназначалось для легендарного родоначальника еврейского народа Авраама, его сына Исаака, сына последнего **Якова** и его сыновей и ближних потомков. Каждый из них в течение восьми дней ежевечерне и поочередно якобы невидимо присутствовал на праздничной трапезе. ✓

Праздничная трапеза состояла из двух-трех блюд: жареной рыбы, отваренного мяса, кур, овощей (свеклы, моркови, картофеля) и какого-либо горячего блюда. Стол (дастархан) должен был быть более обильным, чем обычно, уставлен столовой зеленью, овощами и разнообразными фруктами. Основная специфика этого в далекой древности по существу земледельческого праздника заключалась в том, что все восемь дней надлежало жить, питаться и спать в шатре, под ивовой крышей. При этом женщинам и малолетним детям не обязательно было есть и пить в

"сукко", но мужчины и мальчики старше 9 лет обязаны были есть только в "сукко", вне его они могли только пить воду.

В дни праздников мужчины пребывали в "сукко" постоянно, ночью там же спали, однако, если в шатре были супруги, то остальные члены семьи спали вне "сукко". В холодную и дождливую погоду разрешалось есть и ночевать в другом помещении.

В дни празднования ежедневно, кроме субботы, мужчины в синагоге совершали особый ритуал с применением четырех растений: пальмовой ветви (др.евр. — "лулов"), трех ветвей вечнозеленой трехлистной мирты (др. евр. — "хадас"), двух ветвей ивы и "этрога" (вид лимона, называемый "плодом дерева адара"), он должен был быть без изъяна, сочный, с полным венчиком, завязью и черенком. Пальмовые ветви, цитрусовые плоды "этрог" поступали из Палестины и были доступны отдельным семьям. Мужчины из этих семей приносили их в синагогу.

Ветви пальмы, мирты и ивы связывали в один пучок, и, взяв его в правую руку, а "этрог" — в левую (те, у кого не было пальмы и мирты, в руках держали только ветки ивы), соединяли руки и, потряхивая ветками, протягивали по направлению к югу, затем поднимали руки и прижимали их к сердцу. Прodelывая то же самое трижды, протягивали поочередно руки к северу, западу и в последний раз к востоку. Затем, стоя лицом к востоку, воздевали руки к небу и трижды отпускали их вниз к земле и, поднимая, прижимали их к сердцу. После этого поворачивались лицом к западу и снова трижды протягивали руки и прижимали их к сердцу. При этом произносили краткую молитву — славление богу. После этого, взяв в руки четыре упомянутых выше растения и читая молитву (осанна), совершали хождение вокруг амвона. Шли вдоль стен синагоги, направляясь с востока на север, затем на запад и юг. В первые шесть дней совершали по одному кругу, а на седьмой день праздника — семь. В седьмой день, завершив хождение вокруг амвона, откладывали четыре растения в сторону, брали в руки пучок из пяти свежих ивовых ветвей и ударяли его о землю пять раз, ни больше ни меньше. Следует отметить, что в древности во время этого обряда были вербами оземь, пока не спадали листья. Этот день назывался "днем молотбы верб (ивы)".⁴

Возвращаясь из синагоги, этот пучок ивовых ветвей приносили домой и прятали, сохраняя до праздника пасхи. В канун пасхи его сжигали вместе с хоммец⁵. Пальмовую ветвь "лулов" тоже сохраняли до пасхи, ее сжигали в печи (танур) при выпечке первой партии опресноков (маши) для пасхи. Значение этих действий установить не удалось.

Есть мнение, что обряд хождения с пучком вербы (ивы) вокруг алтаря заимствован у зороастрийцев. Вместе с тем в талмуде этот обряд считается восходящим к библейским временам.⁶

Фрукты, подвешенные к потолочным балкам "сукко", снимались на девятый день, т.е. сразу после праздника, и их можно было есть. "Этрог" (те семьи, которые их имели) сохраняли в течение года; в каждый канун субботы его брали в руки и вдыхали аромат, что считалось богоугодным делом.

Материал, изложенный в данном сообщении, относится к старому быту среднеазиатских евреев, поселившихся в Самарканде несколько ве-

ков тому назад. В настоящее время все эти обряды отмирают, практически не совершаются, хотя память о древних праздниках еще жива и они в некоторых семьях отмечаются.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1 О пережитках культа растений имеется большая литература. К культу ивы у таджиков, среди которых очень давно живут среднеазиатские евреи, посвящены две статьи А.К.Писарчик: "Пережитки культа ивы у таджиков" (в сб. "Прошлое Средней Азии") и "Ива в новогодних и других весенних обрядах таджиков" — в данном сборнике. Эти сообщения побудили автора к написанию данной статьи.

2 Зарубин И.И. Очерк разговорного языка самаркандских евреев. — Сб.: Иран. — Л., 1928. — Т. II. — С. 95—180.

3 Характерно, что ряд древнееврейских праздников у среднеазиатских евреев носит параллельные наименования: древнееврейские, так сказать, официальные религиозные, и таджикские — разговорные (бытующие главным образом среди женщин), в основе которых лежит тот или иной характерный признак праздника. Так, праздник, связанный с наступлением Нового года, который отмечается осенью, по-древнееврейски называется Рош-ашоно — Начало года, а в обиходе — "калла хури" (в переводе с таджикского — "поедание головы"). Обычно для праздничного стола закалывают барана и из головы и ножек барана с несколькими видами овощей варят блюдо, которым оделяют всех присутствующих на праздничной трапезе.

Праздник Шовуот, в переводе — "семь недель", отмечаемый в начале лета, спустя семь недель после пасхи, в разговорной речи называют "Тули сурх" (в переводе — красная роза, так как в эту пору в самом разгаре цветение роз).

4 Кацнельсон Л. Верб. — Еврейская энциклопедия. — Т. У. — СПб, без года изд. — С. 501—502.

5 Хомец — хлебная закваска, хлеб, хлебные изделия из кислого теста, которые согласно еврейской религии в дни пасхи нельзя употреблять.

6 Кацнельсон Л. Авеста и талмуд. — Еврейская энциклопедия. — Т. 1. — СПб, без года изд. — С. 235.

Р.Л. НЕМЕНОВА

К СЛОЖЕНИЮ ТАДЖИКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ БАССЕЙНА Р. ВАХШ

В данной статье излагаются материалы по истории сложения населения среднего течения бассейна р. Вахш, собранные во время работы в составе Нурекского этнографического отряда Института истории им. А. Дониша в 1963—1964 гг.¹ Эти материалы приобретают особое зна —